18+

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АСЕЕВА

На перекрестках Мироздания

Елена Асеева

На перекрестках Мироздания

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

На перекрестках Мироздания / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695311-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В сборник «На перекрестках Мироздания» вошла одноименная повесть и цикл рассказов, о природе, любви, рождении и смерти, последних лет написания. В издание включены рассказы, ранее опубликованные в сборнике «Душевный монолог» (2024г). О потустороннем мире на сегодня написано много книг и статей, но перед Вами уникальный опыт путешествия за ту грань жизни в психологической, мистической повести «На перекрестках Мироздания», почерпнутый из снов самого автора.

ISBN 978-5-00-695311-6

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ МИРОЗДАНИЯ 6
Глава первая 6
Глава вторая 10
Глава третья 15
Глава четвертая 18
Глава пятая 21
Глава шестая 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

На перекрестках Мироздания

Елена Александровна Асеева

© Елена Александровна Асеева, 2026

ISBN 978-5-0069-5311-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ МИРОЗДАНИЯ

Посвящаю моим детям…

«У кого есть кошка, тот может не бояться одиночества»
Д. Дефо

Глава первая

Я, умерла…

Это я поняла сразу, стоило мне только открыть глаза и увидеть низко-низко нависающее надо мной бревенчатое перекрытие, почерневшее от впитавшейся в него сажи, которое сменило белое полотно больничного потолка. И, я тотчас подумала о своем детстве, когда ранним летним утром, просыпаясь, видела этот родной до боли потолок в деревянном срубе моих родителей, радуясь тому, что можно было, полежав, насладиться теплотой и ароматами отческого места, а вскинутым вверх указательным правым пальцем, незримо чертить вдоль многочисленных тончайших трещинок на побеленной стене русской печи, которой касалась моя кровать, неведомые тропы, дороги и перекрестки…

Потому как видела этот потолок лишь в детстве, хранила в памяти всю свою сознательную жизнь и мечтала взглянуть на него перед смертью, я сразу поняла, что умерла…

Приглушенно звучала мелодия…

И я, ясно осознавала, что внимаю, нежный мотив какой-то песни исполняемой гусельными струнами… песни, слова которой слышала опять же в детстве и которые знала, но за долгие годы жизни позабыла или только растеряла…

Музыка… ибо это звучала, словно удаляясь, именно музыка, кажется, звала меня за собой, а может только привела сюда, пробудила здесь, нагнав такие нежные и счастливые воспоминания…

Стоит ли говорить, что последние моменты моей жизни были полны особой болью и тоской о прежнем… о моей зрелости, молодости, детстве и деревенском доме, в каковом я выросла и каковой переполняли яркие чувства нескончаемости жизни, где правит одно лишь солнечное божество.

Нельзя сказать, что я оказалась несчастна в молодости, зрелости… конечно, нет… мгновения, минуты, дни, месяца порой заполнялись неугомонным потоком света и тепла, точно отголоски той самой мелодии, сопровождающей мое безгорестное детство, и которая, сейчас, степенно стихая, проявляла меня в этом месте, уже после смерти… Однако я всегда чувствовала, что живу не так как мне бы хотелось или мечталось… В том, пожалуй, что изменяя всегонавсего самой себе, подчиняясь чьим-то указаниям, советам, просьбам, а потому и обрела для личного пользования – повседневную молодость, паршивую зрелость, мрачную старость…

Оправдывая собственную трусость и ошибки – несчастливым уделом…

Обвиняя в своих проступках – судьбу злодейку…

Ведь проще простого, упрекать несуществующее создание в том, что оно повинно в твоих неудачах, промахах, несчастье… Проще пенять на судьбу – де, это она, в родительском наставничестве, отправила тебя из любимой деревни в город на учебу, затем столкнула с не лучшей твоей половинкой, заслонив все твои желания и мечты, беременностью, свадьбой и семейной жизнью…

И вот уже, подчиняясь ходу каких-то стечений обстоятельств, ты продолжаешь двигаться по накатанным дорогам современного общества, не замечая излучающие свет перекрестки соб-

ственной жизни, безостановочно следуя куда-то вперед по начертавшемуся пути… А потому так живешь не в силу того, что тебе этого хочется, а потому что так надо, так установлено в обществе, сменяя день-ночью, будни-выходными, зиму-летом… И тогда, совершенно, пропускаешь, как твой сын превращается из младенца в мальчика, как уходят из жизни дедушка и бабушка, как седеют прямо на глазах волосы родителей… Еще мгновение, или только смена картинки перед глазами, и ты уже не усматриваешь ярких красок меняющегося изо дня в день небосвода, оттенков восходящих на него, попеременно, солнца и луны… Твои мечты отступают все дальше и дальше… степенно выравнивается память об ушедших, вослед своих родителей, мамы и папы, а сын входит в пору юности, придерживаясь безудержных крайностей в собственных поступках и взглядах…

Та самая злобная старуха – судьба, не позволила даже после смерти мужа исполнить собственную мечту, которую я лелеяла всю жизнь, а именно вернуться в деревню… поскольку мой любимый, единственный сынок, тому воспротивился, и, скривив свои алые тонкие губки, недовольно сказал: «И что мне там делать? Коровам хвосты крутить?»

Я тогда смолчала, хотя понимала… ему городскому парню, толком не видевшему в живую ни одну корову, вряд ли бы удалось покрутить кому из них хвост…

Впрочем, то всего лишь были мысли… Против сынули я не пошла, побоялась испортить его молодость, сломать его планы на учебу и счастливую жизнь… Я не отстояла свои желания, подчинившись советам родителей, не боролась за свою мечту в собственной семье, и естественно, уже не могла что-либо противопоставить моему мальчику, разучившись (или не научившись) стоять грудью за собственные идеалы и стремления…

Потому и не мудрено, что когда я постарела, перенесла инфаркт, не смогла работать и обеспечивать себя, сыночек определил мое место в очень хорошем доме престарелых…

Квартиру я еще, будучи при здоровье подарила сыну, так что ему ничего не стоило, собрав мои пожитки и усадив на заднее сидение своего блестящего и дорого автомобиля, вывезти в богадельню… Помню, когда двигатель машины мягко, ровно кот заурчал, а из глаз моих стали сочиться тугие слезы, будто камедь из коры дерева, я взмолилась лишь об одном, чтобы тебя мой любимый мальчик никогда не постигла такая же судьба…

Не знаю, почему я так испугалась за своего сыночка, моего первенца, ненаглядного и единственного, которого так ждала, с которым было связано столько нежного и первого, всего того, что определяет тебя как мать.

Мой мальчик всегда был сложным… сперва ребенком, подростком, а после юношей, мужчиной…

В детстве такой красивый, умный, талантливый, которому всегда и все удавалось, он легко учился до старшей школы, получая наивысшие оценки, и как-то разом скатился до троек, перейдя в десятый класс. Я, впрочем, всегда искала причины происходящего с ним, копаясь в собственных промахах, вероятно, не замечая, как своей чрезмерной заботой и опекой, просто избаловала его, вырастив эгоиста, считающего себя во всем правым. Его эмоциональный характер еще какое-то время сдерживали занятия музыкой, но когда он решил пойти на бокс, предпочтя его игре на фортепиано, вся его взбудораженность, связанная со спортом, переросла в жестокость…

Именно эту самую жестокость я и проморгала, хотя еще в восьмом классе стала понимать, что первые тумаки, вслед за криками и оскорблениями приму только я… Может с этим что-нибудь и смог бы сделать мой муж (хотя он и сам легко переходил на личности), но к тому времени, когда сын почувствовал, что сумеет меня сломить кулаком, его уже не было в живых.

Мой мальчик резко перестал интересоваться учебой… и если лет в двенадцать мечтал стать орнитологом, изобретателем и даже химиком, то почти за уши окончил школу и институт. В высшем учебном заведение, сыночек, неизменно, и все время обучения, желал перейти с одного факультета на другой, а потом долгие годы (вплоть до моей смерти) упрекал, что

по моей вине потратил впустую лета своей жизни на ничего не значащее в его судьбе образование.

Сынок также тяжело шел по жизни и дальше, ища лучшее место под солнцем, переезжая из одного города в другой, почасту возвращаясь в мою квартиру. Впрочем, спустя время, ссорясь со мной, упрекая в игнорирование его слов, чувств и вновь уходя от меня, пропадал из поля моего зрения, не общаясь, блокируя звонки и сообщения… И, постоянно, проклиная свою неудачливую судьбу, раннюю смерть отца, отсутствие денег, обвинял в том меня… В те самые тягостные моменты жизни меня только и поддерживали воспоминания о моем единственном мальчике, своим первым криком, сделавшим меня матерью, которым я бесконечно любовалась, которого вскормила грудью, которому читала книги, которого держала на руках, целуя, обнимая и ощущая ни с чем несравнимое единство…

Сын остепенился ближе к тридцати пяти, когда встретил свою жену, которая смогла не только охладить его эмоции, но и подчинить себе. И если он мог выругаться при мне, унизить, оскорбить, то ей никогда не говорил ничего противного, действуя (как мне казалось) порой по ее указанию…

Хотя я была довольна и таким положением дел, радуясь тому, что Марина не только прекратила его метания, но и потребление табака, алкоголя и другого (более вредного) дурмана, которым в молодости баловался мой мальчик.

Наверно, потому я и не взбунтовалась, когда сынок решил, что мое место в доме престарелых… подумав, и успокоив себя тем, что ему так будет легче, и, никакие заботы обо мне не станут его тяготить…

Я тогда смолчала…

Впрочем, я уже давно стала молчать… так как сперва мой сын подчинил меня силой, а после многочисленных метаний и молчания, сломил морально. И если вначале я раздумывала о том, что ему можно, а что нельзя говорить, то позднее и вовсе стала отмалчиваться, боясь вызвать гнев и потерять с ним общение на долгое время. Квартиру я сыну подарила также молча, когда он решил, что его семья нуждается в расширении собственной жилплощади…

Я была так рада, что он взялся за ум, что у него семья, жена и дети… потому все остальное меня не интересовало.

Еще и потому все это становилось неважным, что не могла я забыть темные, холодные и пустые ночи, когда, не зная где мой сыночек, металась по городу, квартире или, кусая зубами уголок подушки, мучительно выла в нее…

Последние годы перед болезнью я много трудилась… выходила на дополнительные смены, подхалтуривала на второй работе… И не то, чтобы мне нужны были эти деньги, просто работа загружала мою голову проблемами, кои я могла решать и решала… за них не надо было рвать на части сердце… работа отвлекала меня от беспокойных мыслей о сынуле…

В эти и вовсе темные, беспросветные для меня годы, единственной отрадой и утешением стал рыже-белый кот, Медок… нежный, ласковый, в блестящей густой шубке, с роскошным воротником на шее, утепленными штанишками на задних лапах и пушистым хвостом, непременно, встречающий меня после работы у входной двери квартиры, и желтыми, как листья осенней березы, глазами, заглядывающими в мою душу. Он мягким укачивающим мурчанием снимал мои нравственные боли бессонными ночами, делая и сам наступающий день не таким мрачным…

После инфаркта, который случился со мной прямо на работе, меня попросили уволиться… Я тогда резко сдала, став инвалидом с оформленной пенсией по инвалидности, а сыночек решил, что в таком состоянии меня спасет лишь пригляд в государственном доме престарелых… Когда судьбу мою решили, я единственно о чем попросила сына, это не разлучать меня с любимым котом, Медулей…

И, мальчик мой (к моему же удивлению) согласно заявил, что утрясет с руководством богадельни пребывание со мной кота…

Потом он сказал, что привезет Медка позже…

А по итогу я осталась без Медуси…

А Медуся без меня…

Именно расставание с котом оказалось для меня последней каплей… той крохой боли, которую я не смогла пережить…

Раньше, я почасту говорила, ставя это себе в упрек, что смогла пережить смерть родителей, мужа, разрыв с сыном, так как вместо сердца у меня камень… пусть и растрескавшийся после инфаркта…

А оказалось, что разлуку с рыже-белым котом это чуждое, треснутое напополам сердце не пережило…

И я умерла…

Глава вторая

А умерев, вместо белого полотна больничного потолка увидела нависающее низко-низко надо мной бревенчатое перекрытие, почерневшее от впитавшейся в него сажи, комнаты в деревенском доме моих родителей…

Потому-то я сразу улыбнулась…

Я так не улыбалась уже давно, боясь спугнуть и то малое мое счастье, которое последние годы было связано с нечастым общением сына со мной, его еще более редкое проявление чувств или даже малой заботы…

Но сейчас мне стало так легко и тепло, ровно солнечные лучи, озарив комнату, подыграли интенсивными бликами света на бревенчатом полотке, чуть прокопченном поволокой сажи…

Я лежала молча и тихо, неотрывно глядя на потолок и прислушиваясь к удаляющейся мелодии… песне или только гусельному наигрышу… мною позабытом и вместе с тем хранимым, где-то в глубине моего сердца, сознания или только души…

И вместе со стихающей мелодией, которая, очевидно, меня звала и вовсе как-то медленно поднявшись, села… теперь, и, окончательно, соотнося виденное с тем домом, в котором выросла… Где в большой прямоугольной комнате, с простотой стен собранных из обработанных рубленых бревен и тут сохранивших на своей поверхности тьму копоти пережитых десятилетий, центральное место занимала русская печь и дополнительно разделяющая пространство фанерная перегородка с дверным проемом, чей вход заслоняли ситцевые цветастые шторы, отделяющие основную часть помещения от кухни.

Удивительно так, но и сама печь, от каковой ощутимо плыло тепло, точно ее с утра хорошо протапливали, как и меблировка комнаты, все являлось выходцем из моего детства, может и позабытым, но разом воскрешенным памятью, как и сложенный, из широких досок, пол, покрашенный в коричневый цвет.

Большая печь, побеленная известью, которой издревле обогревали дом, в которой готовили кушать, мылись старики и дети, сохраняла положенную ей форму и мощь, и своим широким устьем была обращена в сторону кухни. Я помнила из собственного детства, что на ней имелись четыре печурки (ниши в кладке печи) на боковой стене предназначенные для хранения трав или сушки носков, рукавиц, а также лестница, по которой забирались на печь. Присутствовал там и шесток, площадка перед устьем, куда обычно ставилась посуда, служащая подобием небольшого столика, и, подшесток, ниша внизу, рассчитанная на хранение небольшой посуды. И, конечно же, подпечье, большая полость под шестком, где просушивались дрова и любили спать коты.

Впрочем, сейчас сама печь наблюдалась для меня лишь своей задней стеной впритык к коей стояла моя кровать, на высоких ножках с деревянной рамой, деревянными спинками и ватным матрасом, застланная гобеленовым покрывалом, слегка потертым от времени и увенчанная двумя пышными подушками, обряженными в белоснежные наволочки, усаженные друг на друга и сверху прикрытые кипельно-белой кружевной накидкой. Напротив меня, ибо я сидела на диване, укрытом цветастым покрывалом с деревянными ножками, подлокотниками, называемом книжкой (оный в моем детстве, родители разбирали на ночь, малость подпирая тем мою кровать), находился кривоногий трехстворчатый, лакированный шкаф, а по правую от меня сторону, как раз возле стены, на каковой располагались два окна, стоял большой прямоугольный стол, в свое время исполняющий роль не только моего письменного стола, но и тумбочки для телевизора… Гордость любой советской семьи, цветной телевизор Рубин Ц-201, занимал почти половину столешницы, сверху прикрытый вязанной белой салфеткой, и, кажется, все еще переливался собственным слегка выпуклым экраном или только отражал

в себе сияние трехрожковой люстры «Хризантема», висевшей под потолком, и, чуть поблескивающих в ней лампочек.

Долго и внимательно я оглядывала комнату, примечая не только тканную пеструю дорожку, когда-то переданную маме моей прабабушкой, лежащую во всю длину комнаты, тоненький ворсовый с бахромой по краям ковер, на котором семья оленей замерла возле лесного ручья, на фоне гор, поместившийся на стене, позади дивана родителей, но и деревянную полочку, между окнами, где находились фотоснимки моих родных… Они там были все еще молодыми и полными сил… Фотографии, оные навсегда запечатлели юного дедушку в военной форме и замершую возле него бабушку, такую грустную, увековечившую страх за его жизнь в своих карих глазах; да свадебный снимок родителей, где в простом белоснежном платьице и негустой вуали, мама, нейлоновой рубашке, папа, сияли в ожидании счастья, что таилось под сердцем первой.

Последний раз я видела эти снимки на похоронах мамы… Она последней ушла из моей жизни… и фотографии, точь-в-точь как сейчас, стояли на полочке, в тех же рамках, что для них сделал папа… и смотрели на меня с укором или только просьбой, забрать с собой… Но я тогда их не забрала, оставила в деревне…

А деревня потом так стремительно опустела, и вместе с тем из нее ушла не только жизнь, но и сам быт.… И когда я все-таки смогла туда приехать, в дом моего детства, покосившийся, погибающий, он уже растерял и простоту быта, и фотографии моих родных, оставив для меня не более чем жесткий, затхло-плесневелый запах смерти.

Та самая грусть, что отражалась в глазах моей бабушки перед тем, как она проводила дедушку на войну, густой волной накрыла и меня… Ощущение невозвратности времени и того, что теперь никогда не удастся увидеть сына… и Медка, полностью меня, поглотив, хлынули потоками горячих слез… так, что захотелось не просто заплакать, а зарыдать, закричать, завыть…

Я уже давно выплакала уход дедушки, бабушки, родителей, мужа… пережила их отсутствие в моей жизни, поначалу полной, а после убого-обрезанной…

Я уже давно выплакала уход из моей жизни сына, его почти полный разрыв со мной, без возможности даже просто поговорить… но всегда в душе хранила надежду, что когда-нибудь настанет день, и, мы просто с ним обнимемся, посидим за столом и все же сможем, сумеем друг друга выслушать…

Но сейчас меня прямо-таки придавило понимание, что моя единственная надежда, поддерживающая последние годы, оказалась неисполнимой… и мой мальчик, не то, чтобы не примирился со мной, но даже не сумел уделить и малого внимания моей последней просьбе…

Я закрыла лицо ладонями, роняя в них капли слез, все-такие же соленые, как и при жизни, сотрясаясь от боли и осознания безысходности не только прожитого, пережитого, но и наступившего сейчас… Когда вместо родителей, дедушки и бабушки меня по ту сторону жизни, никто не встретил… и я оказалась ни в кругу близких, а опять же в одиночестве, к которому не столько привыкла, с которым словно срослась… И сейчас, и, также окончательно, лишенная возможности увидеть своего Медулю, пушистого бело-рыжего кота, оный последние годы вносил в мою жизнь ощущение чего-то светлого, ради чего и стоило продолжать собственное существование.…И стоило мне вспомнить моего Медка, с которым я теперь была разлучена и разлучена навсегда, опять же без возможности прикоснуться и что-либо сказать, как дотоль притихшая или всего-навсего удалившаяся от меня мелодия, исполняемая на гуслях, разом набрала громкость, ее глубокий и насыщенный тембр, создающий ощущение мира и покоя, явственно позвал меня куда-то вперед…

Эта громкость, моментально включившаяся или просто воспоминание о коте, единственном кто продолжал меня любить до моей смерти, вроде сдержал не только всхлипы, но и сами слезы… Или то лишь в одной из тональности звучавшего инструмента я услышала негром-

кое мявканье моего Медка… Кот почасту так разговаривал со мной, когда я возвращалась с работы, а он, встречая у дверей, чуть слышно мяукал, не назойливо, не нагло, всего-навсего напоминая о себе, здороваясь со мной, выказывая свои трепетные чувства… и тем, наполняя меня радостью, нежностью, теплом…

Я услышала его мяуканье, и замерла… Не то, чтобы стараясь расслышать, ибо это казалось невозможным, просто пытаясь внять самой мелодии, песне в коей, ровно в самой моей жизни, тем трепетным звуком признавались мне в любви… так бескорыстно, как это могут делать лишь маленькие дети и домашние животные, все еще помнящие кому обязаны жизнью…

А музыка, стремительно набравшая громкость, также сразу сбавившая ее, зазвучала очень ровно и призывно. И мне теперь приходилось напрягать слух, не то, чтобы я плохо слышала, просто старалась вспомнить слова, которые сопровождали эту мелодию, и которые когда-то, еще в моем детстве исполнял дедушка. Его заскорузлые от труда кончики пальцев, чуть прищипывая тогда струны гуслей, выводили тревожный наигрыш, а низкий бас-баритон, сочетающий глубину баса и яркость мелодичного баритона, напряженно тянул каждое слово, вкладывая в саму песню конечность всего происходящего, не только счастья, но и беды, не только радости, но и слез…

Впрочем, и сейчас слов, столь знакомых и много раз слышанных в детстве я не могла не то, чтобы вспомнить, но даже расслышать, потому резко убрав руки от лица, поднялась, и, голыми подошвами стоп опершись о теплое, и тут ровно родное полотно деревянного пола, встала.

Что и говорить…

Я была прежней…

Нет, не то, чтобы старухой… а той прежней какой себя чувствует человек в пик собственной молодости… Не знаю даже как можно было это объяснить или понять… Просто очнувшись тут, в родительском доме, и, пробыв в нем какое-то время, я почувствовала себя молодой, полной сил, лишенной каких-либо болезней… Так ровно мне стало опять двадцать пять лет… Потому белая моя кожа слегка лоснилась собственной бархатистостью, ладони переливались розоватым, ровным оттенком молодости, стопы ног поражали мягкостью и шелковистостью… И хотя я себя не ощупывала, не видела в зеркале, но чувствовала молодость и силу своего тела, как и точно знала, что с лица ушли какие-либо морщинки, а глаза вновь, как в детстве, зорко смотрели вдаль, и вновь длинными, до середины спины, стали мои средне-русые волосы, утратившие и малые пряди седины. Одета я была в льняную, длинную до пят рубаху, с не менее длинными и просторными рукавами… Рубаха смотрелась потертой или просто старой, так что мне даже показалось, она была переделана из какой-то другой и явно большего размера… похожая на те, оные в стародавние времена носили славянские дети, когда им перешивали вещи из родительских одежд, таким образом, проявляя значение оберега, передающий чадам силу взрослых.

Неспешно огладив материю рубахи, я направилась к выходу из комнаты, едва качнув на фанерной перегородке с дверным проемом ситцевые цветастые шторы. А оказавшись в кухне, торопливо ее оглядела, отметив, что не ошиблась по поводу печи, а именно шестка, подшестка, и даже подпечья, чье устье смотрело в сторону стены с двумя окнами прикрытыми белыми ситцевыми занавесками. И опять действуя быстро, обратила внимание на расположившуюся деревянную лавку, подпирающую застывший в центре комнаты круглый массивный стол, прикрытый длинной белой скатертью. Который, в свою очередь, словно лимитировал расстояние от однокамерного советского холодильника ЗИЛ-63, с одной стороны, и буфета, величаемого горка с выдвижными ящиками (дверцами внизу и застекленными шкафчиками вверху, для хранения посуды), с другой стороны, примыкающего вплотную к умывальнику (с тумбой раковиной, краном и наливным баком для воды), слегка заслоняющего окно.

В этой комнате возле входной массивной с крепкими, стрелообразными петлями, пожалуй, что поддерживающих последнюю до середины, на стене поместилась вертикальная настенная вешалка с пятью массивными крючками для верхней одежды, на коей висела пара ватников…

Я хоть и открыла дверь, ведущую из кухни, так-таки задержалась возле телогреек на чуть-чуть… и, протянув руку, ласково провела по ткани ближайшей ватной куртки, тем словно вспенивая сам запах его носящего, не более чем, пытаясь дотронуться до тех, кто их когда-то надевал… А после, резво выйдя в узкие полутемные сени, заставленные с одной стороны деревянной и эмалированной посудой, стремительно толкнула от себя и вовсе низкую входную дверь, да приклонив голову, выступила из дома…

А выступив, выпрямившись и сделав вперед несколько шагов, враз неподвижно замерла, на какое-то время, напрочь забыв о звучавшем гусельном напеве, как и о том, что меня сюда привело…

Ибо вокруг меня правили необычайные ночные краски…

Впрочем, наблюдаемое нельзя было назвать ночью, так как от ночи там остался единственно только общий вид синевы небес и такое же темное созерцаемое вокруг пространство… Казалось, сейчас я стояла в объятиях безмерного космоса, где на непроницаемо-черном просторе, будто тонкой кисточкой, нанесли голубые, розовые, желтые дымчатые мазки краски, густо заполнив их разрозненными прожилками звезд, просыпанных и, одновременно, окутанных одиночными струями плотных масс, которые, пузырясь, меняли оттенки от алого до фиолетового. Более интенсивные в собственном сиянии и имеющие формы лишь красных и пурпурных отблесков, вроде просыпавшиеся вниз созвездия, укрывали сверху ярчайшие туманные сгустки, в свой черед оттеняемые по кромке ажурными паутинками синего, зеленого, степенно взбалтывая не менее плотные черные его цвета в более ослепительные и с тем сочные тона.

И, пожалуй, что в центре, сейчас рассматриваемого мною Мироздания, поместилась и вовсе густая материя, принявшаяся, чуть заметно распределятся по верхнему слою синевы, парным серебристым завихрением. На самом этом вихре сияли россыпи нежно-розовых звезд, с длинными пяти-, семи- и восьмиконечными лучами. Звезды смотрелись такими крупными, что их лучи превращались в дымчатые сияющие участки, придавая космосу перламутровые тона.

И в этом необъятном Мироздании поражали взор тонкие сияющие нити, от бледно-голубого до насыщенно-синего цвета, покрывающие не только дымчатые потоки, густую материю, серебристое завихрение, но и сами звезды, подобно множеству троп, смыкающихся между собой, пересекающихся, наслаивающихся и тем, будто создающих какое-то кружевное витиеватое полотно… полотно бесчисленного количества путей и развилок… или только перекрестков Мироздания…

Очевидно, все эти дороги и перепутья были существующими, так что, глядя на них, я понимала, там… где-то очень далеко, высоко, недостижимо для меня… по ним ходят или ездят… может даже на автомобилях, а может лишь на единорогах…

Я сейчас подумала об этих сказочных животных… единорогах и улыбнулась…

Несомненно, в таком безграничном по размаху и великолепном в переливах красок космосе, по таким трепещущим, ровно дышащим, голубо-синим тропинкам ездили только на белоснежном с большим спиралевидным рогом, выходящим изо лба, единороге… символе чистоты, силы и мощи… Ездили, какие-то люди, а может всего-навсего удивительные создания, отличающиеся от землян, и обладающие особыми душевными и нравственными устоями… которые не бросали фотографии родителей в разрушающемся доме, которые умели воспитывать сыновей, которые не оставляли на погибель своих питомцев…

Легкий ветерок, точно выпорхнувший из ближайшей, нависающей перед моим наблюдением дороги или перекрестка, чуть огладил лицо, дохнув в него свежестью и нежностью чего-то зацветающего… И этот запах… нежно-духмяный, напомнил мне знакомые ароматы, когда-то часто насыщающие мою душу, но в потоке жизни, круговороте работа-сон, в чадящем городском духе окончательно позабытые… позабытые, как и звучащая с космических небес мелодия…

А ветерок, вновь приголубив лицо, чуть покрыл той прохладой все мое тело, скатившись сверху вниз, вскользь колыхнув на мне льняную материю белой рубахи… так, что пробежали мурашки по спине, только сейчас в обратном направлении, и я, сместив взгляд, посмотрела на лежащую под этим ночным Мирозданием землю… Как оказалось такую же темную, точнее даже темно-фиолетовую… фиалковую, точь-в-точь отобразившую в себе всю цветовую гамму небес или только отразившись как в зеркале, с особой четкостью и яркостью живописав на своей поверхности те самые многочисленные дороги, тропы, тропинки, пути, перепутья, развилки и перекрестки… Впрочем, сейчас все эти многочисленные колеи наблюдались не в виде нитей, а смотрелись полноценными полосами: широкими для дорог, узкими для троп, малозаметными для стёжек…

На одной из тех светящихся, голубым светом, троп, протянувшейся откуда-то извне, стояла я… оттого мои босые ноги, вроде как и сами чуть подсвечивались васильковым отблеском… Было приметно, что эта световая стёжка, подобна воспринимаемому глазом излучению, кое можно заметить от луча солнца впорхнувшего поутру в комнату через окошко и неспешно принявшегося двигаться… Правда, сей свет, четко выверенный в своих границах, по краю также разом обрываясь, напоминал проложенную по земле ковровую дорожку…

Я подняла ногу и подошвой правой стопы попыталась всколыхнуть сияние или хотя бы его слегка оттенить, оттолкнуть, но луч оставался статично-неизменным… видимым, неподвижным, лишь где-то далеко впереди слегка и очень редко точно вздрагивающим или всегонавсего вибрирующим…

К моему изумлению, и вопреки определенной мрачности ночного тона правящего вокруг, было прекрасно все видно, так будто сами многочисленные звезды создавали освещение, потому и казалось… тут нет ночи, просто ярко-лучезарное Мироздание, не в понимании поднебесья, а в ощущении самой Вселенной.

Теперь стало ясно, почему и в доме моем оказалось светло, ровно туда заглянуло солнце… просто, то ближайшая лучистая звезда озаряла комнаты…

И подумав о доме, я, развернулась в его сторону…

И тут же, мягко улыбнулась…

Так как позади меня стоял деревенский сруб, родительское гнездо… собранный из обработанных рубленых бревен, он сейчас своим одним боком и входной дверью сеней смотрел в сторону раскинувшегося перед ним космоса. Его шиферная крыша, кирпичная труба с ветрозащитным цилиндрическим дымником и пирамидальным зонтиком сверху, все вышло из моего детства… Единственно только, не было в этом доме небольшого крыльца с тремя ступенями и поручнями, а сама голубая тропа, проходя сквозь мои ноги, упиралась своим, опять же статичным краем, в дверной порог сруба.

Оглядев дом, я сместила взгляд позадь него, опять же с удивлением отметив, что его обратная стена, вроде упирается в черную, непроницаемую пустоту… и тут уже без каких либо дымчатых потоков, густой материи, серебристого завихрения, звезд, и даже дорог… Именно пустота, пустошь, пропасть, небытие… царило там позади дома, ограничивая один мир от другого… может ограничивая просто той плотной тьмой, стеной или непонятно чем…

Глава третья

Эта тьма смотрелась такой густой, пугающей, так что я тяжело задышала… вздрогнула, ровно только сейчас поняла или осознала, что умерла… оставив позади, где-то на Земле… где-то может за той стеной, все то, что любила, чем жила, за что переживала… скорбела, плакала, рвалась…

И вновь тяжелые, горькие слезы колыхнулись в моих глазах, но став под дыханием Мироздания вязкими, нездешними, всего-навсего замерли в уголках. А секунду спустя я опять услышала звучание гуслей, и мне даже показалось, это дедушка, чуть повышая голос, спел несколько слов самой песни, все то, что удалось разобрать:

– Ты воспой, ты воспой в саду, соловейка!

Чувство страшной обиды, горечи и окончательного осознания, что пути назад не будет, а значит и не будет моего примирения с сыном, с самой собой, как и встречи с внуками, целиком меня охватило… И подкативший к горлу ком на мгновение сдержал возможность вздохнуть, а после с силой надавив мне на грудь, вызвал чувство сильнейшей душевной боли… так что, не выдержав того, я закричала:

– А…а…

И наконец-то слезы, вырвавшись из глаз, теплым потоком хлынули мне на щеки. Меня тягостно качнуло и подкосившиеся ноги, перестав удерживать мое тело, подломились в коленях, и, я, закрыв ладонями лицо, рухнув вниз, утонула ими в голубой тропе, будто попав в сугроб снега и, пожалуй, что прижавшись к ней грудью… Еще не более минуты и яростно вырвавшийся крик, перешел в стон и хрипы, меня стало мелко-мелко трясти, словно от переутомления… а всего-навсего от понимания, что не только Бог (в которого я не верила) меня тут не встретил, но и мои родные… на встречу с которыми, вопреки пониманию конечности земной жизни, я всегда надеялась…

Слезы продолжали вытекать из моих глаз, горячие… они умягчили кожу моих ладоней, и сквозь плохо сомкнутые пальцы тугими каплями летели вниз, попадая на голубую тропу (в оной утонули мои ноги), слегка курясь в местах их соприкосновения… Тот дымок, определенно, такой же голубой, ровно вспенивая и саму статичность полосы плавно подымаясь вверх, охлаждал мои руки и с тем также неспешно успокаивал и меня саму… Потому, когда стихли мои стоны и всхлипы, и слезы в который раз замерли в глазах, я внезапно четко расслышала и вторую строчку песни, что выводил голос моего дедушки (или мне так хотелось, чтобы это был его голос), слегка поддерживаемые чуть дрожащей, плачущей струной гуслей, и вслед тех слов:

– Ох, я бы рад тебе воспевати,

Ох, мово голоса не стало, – …я услышала негромкое мявканье кота… Медок почасту так разговаривал со мной, когда я возвращалась с работы, а он, встречая у дверей, чуть слышно мяукал, не назойливо, не нагло, просто напоминая о себе, здороваясь со мной, выказывая свои трепетные чувства… и тем, наполняя меня радостью, нежностью, теплом…

Я услышала его мяуканье, и незамедлительно застыла… боясь спугнуть не только столь родную, но позабытую мелодию… но и то милое моему сердцу приветствие Медуси…

Неожиданно легкие пары, поднимающиеся от голубой тропы, видимые через плохо прикрытые пальцы рук, энергично, точь-в-точь приливной волны втянулись обратно, и само досель статичное полотно, наблюдаемо вздрогнуло…

Раз…

Другой…

А после, наподобие холодца, полотно качнулось вправо-влево…

И мявканье кота прозвучало совсем рядом, потому-то отдернув руки от лица, подняв голову, и выпрямив спину, я взглянула на свой дом и все еще открытую дверь в сенцы и, лишь, потом обернулась…

Голубая тропа, что ввела к порогу моего дома, в данный момент времени наблюдаемо покачивалась, сходно с тем, как качается туда-сюда висячий мост, растянувшийся над какой-нибудь речушкой или ущельем, и изредка легонечко вибрировала или просто вздрагивала… Еще я подумала, что такая шаткая, может она и впрямь висит над какой-нибудь пропастью, и даже хотела перевести взгляд и осмотреть ту фиалковую поверхность земли в которой отражались или только рисовались многочисленные дороги, тропы, тропинки, пути, перепутья, развилки и перекрестки, как тотчас, и, тут уже из насыщенно-синий полосы, стыкующийся метрах в пятидесяти с моей стёжкой, выступил и сразу стал видим рыже-белый кот…

Он был таким, как при жизни…

В блестящей густой шубке, с роскошным воротником на шее, утепленными штанишками на задних лапах и высоко поднятым густым хвостом, в такт, покачиванию моста слегка помахивающим им туда-сюда…

И я даже отсюда, сравнительно далеко от кота, узнала его…

Его, моего нежного, ласкового с желтыми, как листья осенней березы, глазами, Медулю…

Не знаю даже… почему я назвал его Медок, ведь он не был чисто рыжим, а бело-рыжим, с большущим рыжим неровным пятном на белоснежной мордочке, оттененным розоватым носиком… Может просто он оказался для меня таким сладким, как мед… и стал таким же полезным нектаром для моей души, как тот продукт…

Ступив с насыщенно-синий дороги на мою тропу, он двинулся ко мне навстречу не спеша… Так, ровно выверял каждый шаг… или в пору своего возраста, познания жизни никуда не торопился…

Мне даже почудилось от его легкой, пружинистой поступи и сама стёжка стала меньше покачиваться, просто изредка вибрируя, едва приметно вздрагивая…

И вовсе редко, и тут уже указывая на себя, Медуся мявкал… очень тихо и отрывисто, так как он это делал при жизни…

Я, теперь медленно развернувшись, села на тропу, не в силах подняться, бежать к нему навстречу… и, кажется, не до конца веря, что это идет мой Медок… Страшась моргнуть и в том движении век потерять его образ… так как я лишилась его тогда, когда сын увез меня в дом престарелых, когда обняв и поцеловав кота между двух янтарных глаз, потеряла навсегда.

Звучание струн гуслей, немножко увеличило громкость, когда Медуля подошел ко мне, и, остановившись в шаге от меня, сел, слегка расправив на голубом полотне тропы свой густой и теперь уже чисто рыжий хвост, а зазвучавший голос слышимо пропел:

– Потерял, растерял я свой голосочек,

Ох, по чужим садам летая,

По чужим по садам, по садам летая,

Горькую ягоду все клевал.

Похоже, не только лишая меня голоса, но и самих сил, ибо я поняла, что оказалась права…

Еще при моей жизни… мой любимый сынок не привез ко мне кота, потому как умертвил его…

– Прости Медок, прости, – чуть слышно шепнула я, и, протянув руку в сторону кота, кончиками пальцев коснулась его лба и переносицы, тех мест, кои так любила целовать при жизни, единственно верного моего спутника, не покинувшего меня и сейчас, в этом затерянном Мироздании.

Еще миг и из моих глаз потекли слезы вины… такие, какие текут там, на Земле при жизни, когда ты ощущаешь горечь от собственного бессилия… от невозможности что-либо

поправить уже, в ощущении, что твоя слабость и трусость принесла боль, смерть, погибель близкому, беззащитному созданию…

– Прости меня Медуля, прости, – это я сказала громче, стараясь и зная заранее, что меня уже простили, потому и пришли, чтобы поддержать и подбодрить… именно это осознание оказалось самым тяжелым…

«Ты в ответе за тех, кого приручил», – теперь знаменитая цитата из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери зазвучала как-то по-особенному…

– Любовь – это когда ничего не стыдно, ничего не страшно, понимаете? Когда тебя не подведут, не предадут. Когда верят, – должно быть, отозвался Медок, еще более задушевной цитатой из книги, столь врезавшейся мне в душу и сопровождающей меня по жизни… а теперь точно раскрывающей весь смысл моего предательства, моей слабости, что стоила жизни не только мне, но и моему коту…

– Прости… – голос внезапно сорвался на последней букве, так что мне показалось, ей подпела и вовсе моментально смолкшая струна гуслей. А Медуся вдруг резко шагнув ко мне, не просто толкнул в сторону мои пальцы, слегка замершие на его голове, но и словно вошел в объятья. Потому мои руки, торопливо сомкнувшись на его пушистом, мягком теле, обняв, подняли и прижали к груди… Я уткнулась губами в лоб и переносицу, как раз между его двумя крупными медовыми глазами… и тотчас перестала плакать…

Потому как поняла, что в отличие от меня… Медок не предавал никогда, был верен и верил в меня… Он знал и помнил те руки, которые его вырастили, выкормили молоком со шприца, которые впервые с подушечек пальцев дали кусочек пахучего и необычайно вкусного фарша… и никогда их не забывал, даже после смерти… В его янтарно-шафранных глазах светилась лишь радость, что пережитые горести… наши общие с ним горести, наконец, закончились… И теперь никто и ничто нас не сможет разлучить…

– Я тоже рада тебя видеть, знал бы ты, как я тебе рада, – прошептала я… И это были не просто слова, эта была боль моей души, которую я смогла сказать тому, кто меня мог понимать, и кто все эти долгие годы одиночества своим мягким носом, умными глазами и тихим мявканьем поддерживал, не давая впасть в отчаяние…

Эта была радость моей души….

Ибо кто же кроме Медули, меня подбадривающего и помогающего все последние и столь тягостные, болезные годы, должен был меня встретить… встретить после смерти… тут на перекрестках Мироздания.

Глава четвертая

Мы сидели с Медулей долго, я его обнимала, прижимала к груди, целовала между глаз, вроде боясь потерять…

Его, источник моей радости и мою опору… опору в этом неведомом космическом месте… И хотя я понимала, что оказалась за него не в ответе… но сейчас почему-то спокойно принимала и саму эту мысль и произошедшее с нами… Так точно меня простили и я сама отпустила себе эту вину… стоявшую нам обоим жизни.

А впереди, как и над нами с Медком, неподвижно прижавшихся друг к другу, синева небосвода неспешно меняла цвета. И нанесенные тонкой кисточкой голубые, розовые, желтые дымчатые мазки, степенно нагнетали яркость красок, прямо на глазах принимая синие, пурпурные, янтарные оттенки, оттеняясь и тут пухнущими в размерах звездами, наблюдаемыми не только в виде перистых волокон созвездий, но и в форме сияющих красными пятнами светил. И в густой синеве материи, поместившейся в центре Мироздания, где все еще курилось серебристое завихрение, и, попеременно, мигали россыпи нежно-розовых звезд, с длинными пяти-, семи- и восьмиконечными лучами, порой напоминающих фонари на крупной автостраде города, неожиданно стали появляться закручивающиеся по спирали разнообразные геометрические фигуры: круги, квадраты, ромбы, овалы. Их светозарные цвета, также как и сами фигуры, все время сменяли собственную насыщенность, неожиданно полыхая черным с синим отливом светом, затем интенсивно наполняясь сочной зеленью или бледнеющей голубизной. Еще миг и изменившие свой вид длинные островерхие лучи с россыпью по их гладкой поверхности, более темных, редких пятен, блистающих искр, мельчайших брызг, пузырчатых клякс, окрашивались в багряные тона. И с тем изменением центральной материи, покачивались, вибрировали все эти многочисленные голубые, синие тропы и дороги, смыкающиеся между собой, пересекающиеся, наслаивающиеся и тем, будто создающие какое-то кружевное витиеватое полотно… полотно бесчисленного количества путей и развилок… или только перекрестков Мироздания…

Как теперь уже понимала я, указывая на то, что по ним и впрямь кто-то идет, едет, движется, может, даруя кому-то радость столь долгожданной встречи… вряд ли расставания…

Я неотрывно смотрела на этот медленно меняющийся мир космоса и думала о своей жизни, о пережитом, ошибках и моей вине перед теми, кто остался там или уже ушел по этим дорогам Мироздания, иногда мысленно возвращаясь к тому месту, где оказалась после смерти, родительскому дому, источнику моего появления и становления (и чего греха таить, куда не раз мечтала при жизни вернуться) … Попала ли я сюда в силу того, чтобы ощутить особую царящую там радость детства, а может потому, как всегда мечтая жить в деревне, не осуществила собственную мечту, просто-напросто из слабости и желания не обидеть… сперва так жаждущих моего просвещения родителей, потом не соглашающихся там жить мужа и сына. И с тем, наверное, я сама похоронила собственную мечту или даже само счастье, такое хрупкое, колыхающееся, как нити лежащего передо мной Мироздания.

Медуля уже давно присел возле меня на пороге распахнутой в дом двери, распрямив свой пушистый хвост и также неотрывно, как и я, смотрел куда-то вперед, думая, вероятно, о чем-то своем, что вряд ли мог при жизни и даже после смерти понять человек. Может он даже видел что-то, недоступное мне, потому как порой поворачивал голову, его уши едва приметно вздрагивали, точно к чему прислушивались, а то и вовсе он начинал шевелить хвостом, первый признак, что недоволен. В такие моменты, я поднимала руку, гладила его по голове, подушечкой указательного пальца проводила по переносице и улыбалась… Он опять недовольно топорщил свои длинные усы и чуть слышно мявкал, верно поясняя что-то… но я всего-навсего чувствовала волнение кота, понять же его не могла…

Мне, кажется, все то время, что мы с ним сидели, не слышалось никаких звуков… И даже не играли на гуслях, не прилетали слова какой-то до боли знакомой песни, которую хотелось, наконец-то, и полностью вспомнить… И кругом нас плыла тишина, подобная той, что наполняет пространство лесной дали раскинувшейся возле глухой или покинутой деревни… Не то, чтобы это было полное безмолвие, наверное, какие-то звуки насыщали сей безмерный простор, но они слышались столь слабыми, и если я чего, и могла уловить, то очень-очень далекую и тихую капель, не более как начинающегося где-то дождя.

Не знаю, сколько бы мы так с Медком сидели, наблюдая за меняющимися красками Мироздания, обдумывая события нашей разлуки и встречи, если бы он, внезапно, не поднявшись на лапы, шагнул вправо с голубой тропы, стыкующийся с порогом дома, ступив на более темную полосу, притом чуть-чуть качнув хвостом туда-сюда. А секундой погодя, уже направился по ней к углу дома…

Я медлила совсем немного, но когда Медулька повернув голову и взглянув прямо на меня, чуть слышно мявкнул, притом даже не сбавив собственную поступь, сразу поднявшись, шагнула в след него, боясь отстать или только потерять его.

Полоса, по которой мы пошли с Медусей, на мое удивление, была весьма устойчива, хотя под босыми моими ногами все же ощущалась, как она едва вибрирует или ровно дышит, делая неспешный такой вздох, а после такой же медленный выдох.

Мы прошли с Медком до угла дома, а повернув направо, миновали лицевую сторону сруба, когда-то выходившую двумя окнами на центральную и единственную улицу деревни, остановившись на краю черной, непроницаемой пустоты, с которой словно стыковалась его четвертая стена.

Впрочем, стоило нам замереть в шаге от той пустоты, как я поняла, что дом ее не касается… Так как на самом деле мой сруб поместился на краю пропасти… темной… темной… аспидно-черной, без каких либо дымчатых потоков, густой материи, серебристого завихрения, звезд, и даже дорог, наблюдаемо уходящей куда-то вниз, в стороны и, определенно, вверх, смыкая, таким образом, все вертикальное и горизонтальное пространство…

Невозможно было понять, как глубока эта бездна, какова ее ширина или длина, хотя интуитивно она казалась какой-то безграничной и, похоже, бездонной… ощутимо ограничивая один мир от другого. И только на первый взгляд наблюдалась черной, ибо густая подобия какого-то водянистого варева, она неожиданно надувала внутри той тьмы угольно-крупные пузыри, выплескивая из них во все стороны более темные угловатые струи. Кои также моментально надломившись в собственной середине, в образовавшиеся прорехи принимались втягивать не только самих себя, но и излившие их пузыри. И то черное пространство кругом внезапно или только наблюдаемо принималось бурлить, ровно закипал весь этот плотный хаос, выплескивая длинные потоки, фонтанируя мелкими струями, клокоча теми круглыми пузырями, которые в свою очередь пульсировали в тех или иных местах более темными пятнами, а потом, надламываясь, видимо сочились вниз, пожалуй, что стекая в глубины пропасти едва приметной рябью.

Чуждый, тяжелый и затхлый воздух дыхнул мне в лицо, стоило шагнуть ближе к краю пропасти и заглянуть в нее. И тотчас моя голова закружилась, дрогнули в коленях ноги, будто морока этого непонятного места хотела меня схватить и утянуть к себе, туда в глубину бездны… где правил, клубился хаос и совсем не тот, что являлся первоосновой сущего, и выступал как рождение или становился источником перемен, разрушая старое и предоставляя дорогу новому…

О, нет! это был хаос, который все уничтожал… не только красочную материю Мироздания, но и земной мир… тот, что существует наяву… ту самую жизнь, в которой мы родились и которую покинули…

Наверное, этот курящийся хаос и бездна и являлись адом, тем местом, куда попадали души грешников после смерти… Место в котором не просто души подвергались вечным мукам, а в котором исчезали… исчезали в той самой тьме внешней, геенне огненной, только не в пламени или озере, с горящим огнем и серой, а в черной, аспидно-черной тьме…

Я тяжело задышала, а дрожащие ноги и вовсе подогнулись в коленях, так что еще мгновение и улетела бы туда вниз… в пропасть… хаос… или только ад, чтобы растворится в том гнетуще-едком воздухе… Однако вдруг, прямо к моей правой ноге ступил Медуля, и прикоснулся головой к моему колену, слегка приподнимая материю рубахи, да принялся ласково тереться о кожу, той своей нежностью, не позволяя упасть, как и наполняя меня спокойствием, уверенностью, что мое место совсем не там, в той чернеющей бездонной и бесплодной пустоте, где в хаосе переваривают души грешников… а, где-то в лучшем месте…

И, как только я об этом подумала, а ноги мои, обретя силы, даровали возможность отступить от края пропасти, как сразу зазвучали гусли… И я не просто их услышала, а точно увидела, своего дедушку среднего роста, крепкого сложения, с почти белыми от старости волосами, бородой и усами, чьи зеленые, поблекшие от возраста, глаза, словно заглянули мне в душу. А секунду погодя, он бряцкнул по всем струнам крыловидных гуслей своими заскорузлыми от труда кончиками пальцев, чуть прищипывая их, и мелодичным бас-баритоном, запел, определенно зовя меня к себе:

– Горькую ягоду все клевал,
Горькую ягоду все клевал.
Горькую ягоду, ягоду калину,
Горькую ягоду, ягоду калину,
Ох, спелую малину…

Глава пятая

Я не решилась уйти из дома, несмотря на то, что Мед настойчиво выходя из него, шел по голубой тропе… несмотря на то, что голос дедушки звал меня вперед…

Но я не могла сказать моему любимому коту про свои страхи…

А он, видя те сомнения, всякий раз, постояв на голубой тропе, возвращался ко мне… итак мы с ним садились на порог входной двери сруба и сидели, любуясь изменениями Мироздания.

Я не могла сказать Медуле… не могла сказать, что боюсь идти вперед, туда, за ним, откуда долетал голос деда, потому как понимаю, если уйду… то больше… Может больше никогда не вспомню сына, забуду его и свою жизнь… такую несчастливую, выпавшими на ее долю страданиями и, одновременно, такую счастливую встречей с моими родителями и моим мальчиком… Ведь теперь я понимала, что если не попала в ад, не упала в хаос, значит место мое в каком-то светлом, хорошем краю, может в христианском раю или славянском Ирий-саду… Месте, где естественно не будет страдания и горя… а значит, я стану счастлива и спокойна…

Получается, я забуду сына…

А как иначе?

Как?

Разве я могу быть счастлива, зная, что не смогла помириться с ним, зная, что он не проводил меня в последний путь… оставшись на Земле с такой ношей…

Об этой ноше я все время думала…

Я почему-то была уверена, стоит сыну повзрослеть, как оно осознает произошедшее с нами, и, почувствовав вину передо мной, будет сожалеть… будет переживать… будет страдать…

Я так думала, даже не знаю, почему… может потому, как хотела, жаждала с ним примириться или просто чувствовала, происходящее с ним там… где-то в земной жизни, явном мире, где он дышит, чувствует, встречает рассвет и провожает солнце на покой… где есть несчастье и счастье, боль и наслаждение, обида и прощение, горе и радость…

И эти мысли, это беспокойство, не давали мне покоя тут, в безбрежном красочном Мироздании, не позволяя встать и тронуться туда, куда настойчиво звал меня за собой Медок…

Порой он поднимался на лапы, шел по голубой тропе, потом резко останавливался и настойчиво мявкал, я тогда качала головой, а порой и отводила взгляд, стараясь делать вид, что не вижу этого. Впрочем, зорко наблюдала за ним, боясь, что, не дождавшись моего согласия, он уйдет один… но Мед не уходил, а вновь возвращаясь, садился рядом на порог…

Как-то, после очередной попытки позвать за собой, Медулька вернулся, и, усевшись рядом, уставился на меня. Он пристально смотрел мне в лицо, исследуя своими янтарно-шафранными глазами, ровно пытаясь прочитать мои мысли или всего лишь ожидая пояснений происходящего, а я вновь отведя от него взгляд в сторону дышащего Мироздания, тяжело выдохнув, произнесла:

– Я не могу пойти, прости, Медуся… Я боюсь, что мне не будет там покоя… а ему… – Я прервалась, сдерживая дрожь внутри себя и глубоко выдохнув, дополнила, думая сейчас только о сыне, – а ему не будет покоя там, не будет покоя на Земле… пока мы с ним не примиримся… Но как? как мы можем с ним помириться… если я тут, а он там…

Не знаю, понял ли меня Медок или нет… но я была уверена, что выслушал очень внимательно и даже чуть слышно, как это он умел, мявкнул.

Я не торопливо поднялась, и, больше ничего не говоря, не задерживаясь негде, направилась через сени и кухню в комнату, а улегшись на диване, уставилась на деревянную полочку, между окнами, где находились фотографии моих родных и на коих они все еще были моло-

дыми и полными сил… Фотографии, оные навсегда запечатлели юного дедушку в военной форме и замершую возле него бабушку, такую грустную, увековечившую страх за его жизнь в своих карих глазах; да свадебный снимок родителей, где в простом белоснежном платьице и негустой вуали, мама, нейлоновой рубашке, папа, сияли в ожидании счастья, что таилось под сердцем первой.

Я так почасту делала, уходила в комнату, ложилась и смотрела на фотографии моих родных, неизменно, думая о своем мальчике. В такие моменты Медуля приходил следом, укладывался рядом, закрывал глаза и начинал мурчать…

– Мой любимый трактор, – полюбовно говорила я и принималась его гладить… К моему изумлению, засыпал под сие неусыпное мурчание не только он, но и я… Правду сказать, обычных снов я не видела, не знаю уж, как Медок… А поперед моего зрения, привычно черного (когда ты закроешь глаза) запускался поток света, закручивающийся по спирали и выпускающий из собственного и вовсе мерцающего центра разнообразные геометрические фигуры: круги, квадраты, ромбы, овалы. Их яркие цвета, также как и сами фигуры, все время меняли насыщенность, неожиданно сверкая желтыми, оранжевыми или зелеными всплесками света, ровно утягивая меня в этот круговорот и наполняя само пространство мягкой игрой гуслей.

Но сейчас я посмотрела на фотографии и почему-то заплакала… и слезы, такие же горячие, как и при жизни, тихонько заструились по моим щекам… Словно часть земного во мне еще была жива… те самые слезы… тот самый сон… те самые чувства и волнения за моего сыночка…

И, скорее всего, именно осознание, что часть моя еще соединена с земным, как и то место, где мы с котом пока находимся… стали внушать мне страх идти за Медулькой вперед, туда, куда звала меня игра гуслей и голос дедушки…

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза, чуть слышно сказав:

– Хочу вас увидеть, мамочка, папочка… Простите меня…

Я даже не приметила, как перед моими глазами на черном полотне внезапно появилась мельчайшая горящая искра принявшаяся наблюдаемо мерцать и вроде увеличиваться в размерах. Еще совсем чуть-чуть той пульсации, и уже крупный шар, подобия футбольного мяча, взорвался, выплеснув в разные стороны тончайшие, паутинные лучи, тут уже разнообразной цветовой гаммы… полагаю, что таких красок, которых я никогда не наблюдала на Земле… Впрочем, меж тех невиданных цветов, наблюдались и привычные мне: красные, желтые, зеленые и даже синие… Казалось, взрывы и пульсация горящего шара продолжались, хотя я отвлеклась от него. Ибо стала наблюдать за одним ярко-желтым тоненьким лучиком, который оторвавшись от шара, поплыл в черном пространстве, неожиданно, будто надломившись или просто разломившись на множество частей, и с тем растеряв собственную сочность цвета, принявшись формировать прозрачно-желтые тени людей, животных, растений… Еще совсем немного и некие из тех теней стали казаться мне знакомыми, близкими и такими родными, видимо вышедшими из одного рода… И вслед того послышалась музыка… кто-то мягко тронул струны гуслей и голос дедушки, чуть слышно, проронил:

– Давай-ка, обучу тобе играть на гуслях…

Я мгновенно вздрогнула и тотчас открыла глаза, так словно нырнула в воды прошлого и также стремительно из них выйдя, выудила из собственной памяти, что-то позабытое… не только создание собственного рода, но и что-то очень близкое… предложение дедушки, научиться играть на гуслях, на которое ответила отказом…

Я торопливо села и огляделась… все еще, будучи в знакомой комнате, вышедшей из моего детства… разделенной задней стеной печи, фанерной перегородкой с дверным проемом, чей вход заслоняли ситцевые цветастые шторы и привычной старой мебелью, но только ныне рядом не лежал мой любимый Медулька.

Я нервно обозрела комнату, вроде не просто замершую, но и притихшую, схоронившую какой-либо звук в глубочайшем безмолвие, где все также впритык к печи стояла деревянная кровать на высоких ножках, трехстворчатый, лакированный шкаф, напротив дивана и, по правую от него сторону, большой прямоугольный стол, удерживающий на себе советский телевизор Рубин Ц-201… Заодно приметив, что в комнате наблюдаемо потемнело, так ровно вне дома наступил вечер, притушив яркость солнечного света. Однако, и, вновь внимательно, оглядев комнату я нигде не увидела моего кота, точно он и не вошел в дом, оставшись вне его… может обидевшись, а может, не дождавшись моего согласия идти за ним, ушел один…

Я вдруг испугалась этой мысли и сперва тихо, а немного погодя громче сказала:

– Медуся! Медок! – еще секунды две и я испуганно закричала, зовя моего мальчика… А потом также резво вскочила на ноги… И стоило только мне вскочить, как я услышала звучание гуслей и голос моего дедушки, так будто тот и не затихал, а это просто у меня отключился и включился слух… и он горестно выводя слова песни, пропел:

– Я по батеньке плачу вечерами,

Я по батеньке плачу вечерами,

Ох, а по маменьке зарею,

Ох, а по маменьке зарею…

– Мед! – впрочем, даже не вдаваясь в слова песни, закричала я и тотчас кинулась из дома на двор… Я так испугалась, что мой кот ушел, потому и не заметила, как выскочила из дверного проема, ступив обеими стопами ног на голубую тропу… как к тому привыкла…

Но то, что теперь она не пролегала по земле, я поняла лишь во второй момент. Ибо первое, на что обратила внимание, это то, что кругом меня изменились краски Мироздания… И в настоящее время надо мной простирался привычный мне ночной небосвод… Земной небосклон, где сапфировый простор оттеняло сияние звездных светил. Было заметно, как мерцая, меняли колоритность звезды и плывущий от них ореол, легкий, будто дымка, накладывал проседь на сами небеса, неожиданно акцентируя на них более светлые пятна, а то и целые, пролитые вкрапления. Особенно красочно выгибалось на небе созвездие Большая Медведица, своими семью звездами формируя ковш с ручкой. И на этом полуночно-синем небесном куполе обращала на себя внимание одна, очень крупная звезда, горящая желто-металлическим светом… Яркая, без трепетания сияния, словно застывшая или не живая, она внезапно выплеснула в мою сторону поток света, который врезался в землю… в данный момент наблюдаемо темную или только неясно-мрачную, где всего-навсего просматривались отдельные неясные тени, то ли деревьев, то ли построек… Между тем желтый луч света, прихваченный по окоему мельчайшими, голубыми крапинками, войдя в землю, легонечко вздрогнул по всей поверхности, и сразу в нем проявился, неспешно ступающий в моем направлении рыже-белый кот, в блестящей густой шубке, с роскошным воротником на шее, утепленными штанишками на задних лапах и высоко поднятым густым хвостом, чуть покачивающим собственным кончиком…

Я смотрела на Медульку пару секунду не более того, созерцая, что поток света идет лишь впереди кота и подсвечивает его фигурку, а вслед за тем, сместив позадь него взгляд… увидела одинокую людскую тень… Очертания человека как-то разом наполнились светом или просто заметно проявились, и, я поняла, что за моим котом идет мужчина… Это был среднего роста человек, с крепкой фигурой и внушительным, плечевым поясом, округлой формы было его лицо, на которое приходилась широкая нижняя челюсть и закругленный подбородок. Даже при такой сравнительной смутности его образа, я видела мясистый нос с широким основанием, большими ноздрями и выступающим кончиком, тонкие губы, средне-русые волосы с взлохмаченным чубом, спускающимся на высокий лоб мужчины… Одетый в белую футболку, облегающую его крепкую грудь и легкие пижамные штаны, он оставался босым, и, ступая позади кота, высоко поднимал колени, как если бы выуживал ноги из воды или чего-то студенистого…

Я смотрела на этого человека и боялась подать какой-либо звук и с тем спугнуть свое видение… видение этого человека…

Но когда они оба достигли меня и сам луч света, падающий от звезды в небе, слегка приглушил сияние и с тем озарил наши три фигуры, мужчина остановился напротив меня. И я увидела, как в его зелено-серых, таких родных глазах, появившись, блеснули боками крупные капли слез, и он, привычным мне бас-баритоном, сказал:

– Здравствуй, мама… – Медок, при тех словах, медленно развернувшись и усевшись около моих ног, в упор посмотрел на сына, словно судья, который привел его сюда не столько судить, сколько объявить окончательное примирение.

Глава шестая

Мы сидели в кухне на деревянной лавке.

В той самой кухне, которая полностью сохранила былой вид моего детства, где напротив переднего вида печи, стандартно имеющей шесток, подшесток, подпечье, чье устье смотрело в сторону стены с двумя окнами прикрытыми белыми ситцевыми занавесками, расположилась деревянная лавка. В свою очередь она подпирала застывший в центре комнаты круглый массивный стол, ограничивая расстояние от однокамерного советского холодильника, с одной стороны, и буфета, с другой стороны, как и примыкающего к нему умывальника, с тумбой раковиной, краном и наливным баком для воды. Я сидела возле буфета, который раньше называли горкой с выдвижными ящиками, дверцами внизу и застекленными шкафчиками вверху, в коем все еще хранилась посуда из моего детства, а мой мальчик, прислонившись спиной к холодильнику ЗИЛ-63, застыл напротив меня…

Мой мальчик…

Мой сын…

Мой Богдаша…

Я уже и не мечтала на встречу с ним, уже перестала просто думать о том, чтобы вот так посидеть рядом, посмотреть на него…

Он сидел… такой дорогой, близкий… И мне, казалось, комнату наполнил его родной запах… запах серой, маленькой пташки или это лишь витал аромат, который я вспенила, дотронувшись до ватников, висевших на вертикальной настенной вешалке, поместившейся возле входной массивной с крепкими, стрелообразными петлями двери, когда заходя из сеней оперлась о них рукой…

Это был родной, близкий, кровный запах… хранившийся в моих генах и передавшийся мне от моих родителей и нынче все еще наполняющий моего любимого мальчика.

Я уже давно выплакала уход из моей жизни сына, его почти полный разрыв со мной, без возможности даже просто поговорить… но всегда в душе хранила надежду, что когда-нибудь настанет день и мы просто с ним обнимемся, посидим за столом и все же сможем, сумеем друг друга выслушать…

И вот теперь, мы с ним сидели за столом и молчали…

Я смотрела на печь и улыбалась, наслаждаясь всего-навсего близостью с моим Богдашей…

Ровная, беленая поверхность печи, без каких-либо трещин, щелей или расколов, как и шестка, площадки на которой размещали подготовленную для отправки в горнило посуды с едой, поражала чистотой, ровно всю поверхность лишь вчера восстановили… А может то просто саму печь только давеча построили…

От самой печи, несмотря на то, что ее не топили (оно, как и не нужно было, да и нечем) в данный момент шел легкий, теплый дух… точь-в-точь настоянный на каких-то травах или в днях истопленной, а потому и распространяющий то душно-томленное благоухание…

Медулька, стоило нам с сыном зайти в дом, сразу направился в комнату и явственно пристроившись на диване, заснул или только затих… давая возможность нам поговорить…

Но мы молчали…

Молчали оба…

Я так хотела обнять моего сына, поцеловать… но боялась сделать, что-то не так… и тем навсегда разрушить надежду на наше примирение…

Сынок сидел возле холодильника, прислонившись к нему спиной и смотрелся каким-то постаревшим, уставшим… или только больным… Его средне-русые волосы с взлохмаченным чубом выглядели побеленными временем на висках и на макушке, верно оттуда раскидывая

эти белые, возрастные нити… Свесив вниз плечи, то ли ссутулившись, то ли сгорбившись, он был таким несчастным, потерянным. А когда сынуля поднял взор, досель устремлённый на пол, сложенный из широких досок и покрашенный в коричневый цвет, пройдясь им по фанерной перегородке с дверным проемом, чей вход заслоняли ситцевые цветастые шторы, отделяющие кухню от комнаты… я приметила, что и его средне-русые, густые, выразительные брови наполнились теми же прожилками времени, как и поредели, поблекли, дотоль густые, загнутые ресницы, и стала различима сеть морщинок на лице. Они пролегли тонкими линиями на его лбу, рублеными полосами между бровями, нитевидными чёрточками вокруг рта и даже в виде гусиных лапок подле глаз, словно выдающих в нем уже не просто взрослого, а явно зрелого мужчину, стареющего человека. Взгляд моего мальчика еще немного блуждал по кухне, останавливаясь то на вешалке, то на входной двери, то на бревенчатом перекрытие потолка, а потом как-то резко замер на мне…

И я увидела зелено-серые глаза сына, будто вышедшие из его детства… Так что на минуту не более того, мне показалось, передо мной не просто Богдан, взрослый, стареющий мужчина… а младенец, мальчик, подросток… мой любимый, ненаглядный красавчик… моя радость… мой сыночек… мой Богдаша…

– Ты такая красивая, мамочка… такая красивая, моя мамочка, – внезапно сказал сынок… низко-низко и слышимо на последнем слове, его бас-баритон, сошел на хрипы, так ровно певческий голос низкого регистра Богдана, которым я всегда восхищалась, и тут растерял собственную силу и мощь… моментально состарившись…

Чуть наблюдаемо цветастые ситцевые шторы, что заслоняли дверной проем фанерной перегородки, отделяющие кухню от комнаты, пошли малой волной и из-под них, вроде вынырнув, вышел Медок. Он сделал всего-навсего пару-тройку шагов, остановившись напротив сына, и сел, хлестко или только многозначаще уставившись на него своими желтыми, как листья осенней березы, глазами… словно заглядывая в его душу… Сын мгновенно дернул взгляд на кота, а после еще тише, вроде выпрашивая, договорил:

– Я так за тобой соскучился, мамочка… так соскучился… Ты можешь меня обнять?..

– О! мой сыночек! – прямо-таки вскрикнула я, и, вскочив с лавки кинулась к Богдану, обняла, прижав его седую голову к груди, принявшись целовать в такую же побелевшую от пережитого макушку, ощущая не только его родимый, кровный запах… запах любимого сына, но и чувствуя, как он весь сам задрожал, а затем в ответ обвив меня руками, тихо заплакал в материю моей рубашки… в мою грудь…

– Мой сыночек, сыночек, родной, ненаглядный мой, я уже перестала надеяться на встречу с тобой, – торопливо зашептала я в его темечко, место которое по некоторым верованиям напрямую связывалось с космосом… канал который наделял человека жизненной силой… – Как же ты меня нашел? Ты… ты жив? – внезапно мой голос надрывно дернулся и потух… и не знаю даже чего я так испугалась… не понимая как реагировать, что говорить и о чем можно спрашивать…

– Я жив, – также скоро отозвался сын и крепче прижался ко мне… так как делал это в детстве, стараясь спрятать во мне все свои заботы, боли и проблемы… – Если это можно назвать жизнью, – это он дополнил и вовсе едва слышно. И немного погодя, ощутимо поцеловав меня, повышая голос, сказал, – меня привел к тебе кот… Твой кот… Медок, – теперь его бас-баритон прозвучал ласкательно-нежно, так мягко до того он говорил «мамочка»… а теперь «Медок»… – Я сплю, мамочка, я жив, не волнуйся моя родная, любимая мамулечка, – это Богдан и вовсе словно пропел, так как он пел в детстве, наполняя мое сердце счастьем и гордостью…

И я заплакала…

Мои губы застыли на его макушке, а из глаз потекли тяжелые, тугие слезы… слезы боли и радости, одновременно, будто смывая с моей души любые страдания, наполняя ее счастьем

примирения с сыном… И я, попеременно, глотая эти слезы, вдыхала дух моего сыночка, столь родственного мне несмотря на пережитые обиды, разочарования, ибо я его всегда любила, всегда ему все прощала и всего только ждала этого сближения, не столько даже для себя, сколько для него…

Допрежь, правящая в кухне сумрачная поволока, рассеялась… Вроде там за стенами этого старого сруба, стоявшего на одном из триллионов перекрестков Мироздания, на ночное небо вышло яркое солнце и наполнило комнату сиянием, таким которое бывает в детстве, когда человек не имеет проблем, не сталкивается с бедой и потерями, когда умеет восхищаться распускающемуся цветку или деревянной игрушке подаренной ему родителями… Когда может радоваться и малому чуду, тому, кой приносит отец с охоты или рыбалки, предлагая в виде гостинца от зайки. И посмеиваясь, протягивает кусочек сухого хлеба с оплавленным от солнечных лучей лежащим на нем кусочком сала, и ты, принимая данное угощение, вдыхая его аромат, напитанный сразу землей и травой, уплетаешь за обе щеки.

– Мамочка, мамулечка, моя родная, – все также негромко прошептал сын и вновь поцеловал меня в полотно рубашки. И я сразу же осознала, что эти ласковые, нежные слова слышала последний раз, вероятно, что на свое день рождение, когда мой четырнадцатилетний мальчик купил мне в подарок кофейную пару и игрушку в виде маленького серого ежика… И торжественно преподнеся ранним утром, ласково поцеловав, не менее нежно произнес это волшебное слово «мамочка»…

– Прости меня, мамочка, прости… если бы ты знала, как я сожалею о своих поступках… сожалею о своем предательстве, – продолжил, низко и тяжело вздыхая, Богдан, – о своих жестоких поступках, злобе и эгоизме, который тебя убил… Убил, моя любимая мамочка… Прости меня, прости, так как я себя никогда не прощу. Не прощаю я себе не только собственного нарциссизма, но и того, последнего, что я сделал с тобой, – сын резко прервался, так точно у него не было сил озвучить произошедшего с нами, и, затих.

И я почувствовала, как он глубоко вздохнул, втянув носом запах его матери, такой же родственный, как и запах ребенка, любимого человека, родителя, никогда не забываемый или всего-навсего трепетно хранимый в нашей памяти, каковая не имеет под собой никакого эгоизма, нарциссизма и жестокости.

Теперь почему-то замерла и я… понимая, что мой сын уже давно себя осудил, а ныне ему надо было вслух озвучить тот вердикт, который он вынес для себя…

И я чувствовала, как ему тяжело…

И я так хотела избавить его от этого приговора… и не знала, не знала, как помочь.

Сын немного отстранился от меня, так что я, выпрямившись, взглянула на него сверху вниз… Его зелено-серые глаза, будто вышедшие из детства, воззрились на меня и в их уголках блеснули крупные прозрачные слезы… Меж средне-русых бровей залегли две глубокие, прерывистые, ровно рассеченные морщинки и он чуть повышая голос, очень твердо сказал:

– Мамочка, я сдал тебя в дом престарелых и тем самым убил… Я лишил тебя возможности жить… жить рядом с теми кого ты любила и кто тогда тебя любил, – голос его дрогнул на последнем слове, из глаз выскользнули слезы, течные… живые…

Он медленно перевел взгляд с моего лица и посмотрел на Медульку, весь тот срок сидящего в паре-тройке шагов от цветастой ситцевой шторы, что заслоняла дверной проем фанерной перегородки, отделяющей кухню от комнаты. И я осознала, что под теми, кто меня тогда любил, Богдаша полагал не себя, а именно этого рыже-белого кота, с пушистым хвостом, роскошным воротником на шее, утепленными штанишках на задних лапах, с большущим рыжим неровным пятном на белоснежной мордочке, оттененным розоватым носиком… который оказался полезным нектаром для моей души…

Медок сейчас недовольно похлопывал своим шикарным хвостом по деревянному настилу пола и вроде зондировал сына взглядом своих таких умных, преданных глаз. Потому я

подняла руку и нежно провела подушечками пальцев по лбу Богдана, его морщинкам, не только тем, которые пролегли тонкими линиями на лбу, рублеными полосами между бровями, нитевидными чёрточками вокруг рта и даже в виде гусиных лапок подле глаз, так что сынок вновь вернул взгляд на меня. А я, тотчас ступив вправо, прикрыла моего мальчика от колючих, но справедливых глаз моего кота.

– Давно тебя простила, сынуля, – я чуть помедлила, а после с особой нежностью произнесла, – мой Богдаша…

И эту нежность к моему сыну, так открыто, я позволила себе впервые за долгие годы нашего страшного разлада… Еще и потому как мой мальчик, когда-то в грубой форме высказался по поводу этого ласкательного и унижающего его величания… А на мои попытки оправдаться, сухо заявил: «Будто важно, как удобно тебе, а не как важно мне»… С того самого момента я обращалась к нему лишь Богдан… так как сынок, сынуля, сыночек вызывали в нем ту же неприязнь…

Богдаша сейчас улыбнулся, чуть растянув тонкие бледно-алые губы, заложив заметную сетку морщинок над верхней губой, и сказал, так что его голос наполнился сильным густым звуком металлического тембра, полностью растеряв баритональные нотки, будто тем басом он хотел утвердить вынесенный себе приговор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.